А. Бинов

Классовая линия и ее извращение в государственном страховании на селе

I. Предмет спора

Государственное страхование обеспечивает постройки 20,5 млн. дворов, 43 млн. голов крупного рогатого скота, 22,7 млн. лошадей и 83 млн. га посева. Аппарат Госстраха соприкасается с каждым крестьянским двором. Свыше 250 млн. руб. убытков выплачено крестьянству за последние пять лет (1923/24—1927/28) по одному окладному страхованию. Около одного миллиарда рублей намечено к выплате крестьянству в течение пятилетки 1928/29—1932/33 гг.

Такой размер операций ставит ряд политических вопросов: с каких групп крестьянства взять сотни миллионов рублей, и какие группы крестьянства, и в какой степени за счет этих миллионов рублей обеспечить от убытков, причиняемых стихийными бедствиями.

Эти вопросы требуют особого исследования, попыткой которого и является настоящая статья.

Решить основной политический вопрос о перераспределении значительных страховых сумм внутри отдельных экономических групп крестьянства приходится при наличии следующих двух моментов:

1) Директива правительства о самоокупаемости сельского страхования и установка Главного Правления на расширение обязательности, т.е. на повышение норм по окладному страхованию приведут к постепенному повышению общей суммы страховых платежей деревни.

2) Удельный вес страховых платежей крестьянства в общей сумме его обязательных платежей весьма велик. Отношение сбора по окладу к сумме сельхозналога, постепенно возрастая, составило в 1924/25 г.—10,9%, в 1925/26 г.—24,6%, в 1926/27 г.—26,5%, а в 1927/28 г. сумма, поступивших на 1 августа по окладному страхованию, платежей составила 35% (109 млн. руб.: 310 млн. руб.). В последний год пятилетки страховые платежи по обязательному окладному сельскому страхованию достигает цифры, превышающей 300 млн. руб.

Но рост платежей упирается в платежеспособность основной середняцкой массы крестьянства и ее маломощной части — в особенности (беднота частично и полностью освобождена от платежей в количестве 26—28% хозяйств).

Может создаться положение, при котором Госстрах, оставаясь на почве единого тарифа, не сможет осуществить поставленных перед ним задач накопления запасных капиталов, повышения норм обеспечения и введения дополнительной ответственности по отдельным видам страхования (наводнения, ливни, бури и землетрясения — по строениям; вымочки и выморозки, страхование от неурожая — по посевам).

Единый тариф изживает себя и становится непреодолимым препятствием на пути укрепления окладного сельского страхования. Нынешняя тарифная система Госстраха представляется нам еще более неприемлемою с классовой точки зрения.

И политические и чисто страховые проблемы не могут быть правильно решены на основе единого для 70—75% платящих хозяйств сельского тарифа, для которого „несть ни маломощное хозяйство, ни середняцкое, ни зажиточное и кулацкое“.

На ряду с отдельными элементами классовости в построении государственного страхования на селе, в последнем имеется основное и ничем не компенсируемое извращение классовой линии партии: это извращение заключается в обратной (по сравнению с с.-х. налогом) прогрессии изъятия страховыми платежами доходности отдельных социальных групп крестьянства.

Предметом спора внутри аппарата Госстраха, и вообще между согласными и несогласными с нынешней тарифной политикой Госстраха на селе является не только наличие этого извращения и его оценки, но и та степень (количественная и качественная) классовости, которая содержится в нынешней системе построения тарифов и норм обеспечения сельского страхования.

Этот спор о степени уже осуществленной классовости имеет серьезное значение: если бы было доказано, что уже сейчас тяжесть страховых платежей в достаточной мере перекладывается с экономически слабых районов и групп крестьянских хозяйств на экономически сильные районы и экономически мощные хозяйства, то отпало бы обвинение в извращении классовой линии и потерял бы свою остроту вопрос о необходимости коренной ломки тарифной системы сельского страхования.

Вот как гласит официальное издание „Пять лет государственного страхования“ о классовом принципе, якобы уже осуществленном.

„Классовый принцип находит наиболее яркое выражение в тарифе окладного страхования сельских строений, по которому применяется одна ставка и к каменному дому с железным покрытием, и к соломой крытой избе. Правда, унифицированные ставки для строений всех материалов в сельском окладном страховании применяли и земства (А. Б.) но они на ряду с этим не редко(?) вводили в сельские тарифы разного рода подразделения селений по степени их

опасности (в зависимости от величины селений, характера их, горимости и пр.), с назначением различных ставок, для строения каждого подразделения. Госстрахом же в сельский тариф внесено только одно подразделение — на районы, с назначением ставок в соответствии с пожарной опасностью их (от 40 до 140 к. со 100 руб. страховой суммы).

В тарифах окладного страхования сел.-хоз. животных ныне не делается различия в ставках ни по возрастам, ни по числу сел.-хоз. животных в хозяйстве, хотя смертность лошадей в маломощных однолошадных хозяйствах гораздо выше, чем в хозяйствах многолошадных, при чем и животные старших (более опасных) возрастов также чаще встречаются в хозяйствах маломощных крестьян.

Поистине наивны и неприязнательны в вопросах политических авторы сих простых и „мудрых“ строк, до возмущения „наивны“.

Необходимо обратить особое внимание неискушенного в „страховой мудрости“ читателя, что система тарифных ставок государственного сельского страхования в основных своих чертах (построение норм, тарифные пояса), заимствована у земской страховой теории и практики.

Так называемые „страховые принципы“ (целиком перенесенные к нам из дореволюционного прошлого), которые до последнего времени (1—1,5 г. тому назад) считались незыблемыми и защищались с упорством, достойным лучшего применения в советском государстве, — *de facto* (хотя и в изуродованном виде) лежат в основе окладного плана не только текущего, но и будущего 1929/30 г., т.-е. второго года пятилетнего плана социалистической реконструкции народного хозяйства.

Изуродованы эти, милые сердцу целого поколения работников „страховые принципы“ под напором нападков и критики, приведших однако пока-что только к гнилому компромиссу. На этих „страховых принципах“ акционерного и земского толка воспитывалась наша учащаяся молодежь страховых отделений некоторых техникумов и вузов. Эти „страховые принципы“ раз'яснялись и вкоренялись в сознание целых тысяч (аппарат Госстраха насчитывает свыше 10 тысяч работников) советских страховиков через посредство большой и дорого стоящей „Библиотеки страхового работника“ и ежемесячного „толстого“ журнала „Вестник государственного страхования“. На страницах этого официального органа всесоюзного советского учреждения нашла себе, в 1926 г. за 6—7 лет его существования, место одна, задуманная молчаливым, статья беспартийного проф. Свирщевского, поднявшего вопрос о необходимости привести тарифные ставки по сельскому страхованию хотя бы в некоторое соответствие с мощностью отдельных групп крестьянских хозяйств.

Святая святых этих так называемых „страховых принципов“ заключается в том, что тарифные ставки устанавливаются

по каждому виду страхования для целых административных единиц в зависимости от убыточности данного вида страхования на данной территории.

„Удар“, нанесенный этим „страховым принципам“ при построении окладного плана на 1929/30 г., свелся к тому, что были учтены не только данные об убыточности, но и данные об экономической мощности отдельных районов. Хотя, если верить упомянутой выше книге „Пять лет государственного страхования“, то уже давно, уже несколько лет имел место „учет экономической мощности населения“. Так и озаглавлено соответствующее место этой книги, а именно:

„Окладные тарифы Госстраха установлены по районам горимости с учетом экономической мощности населения этих районов, при чем для районов с наибольшей пожарной опасностью ставка определена в 140 коп. со 100 руб. Между тем губернии, входящие в состав этого района, имели горимость чрезвычайно высокую: так, горимость сельских строений Пензенской губернии за 25 лет составляет 337 коп. со 100 руб., Орловской—182, Самарской—197, Тамбовской—242, Рязанской—221. Таким образом, здесь (в наиболее опасном 5 районе) тариф установлен для некоторых губерний в размере ниже нетто (т.-е. действительной убыточности) — в виду малой мощности населения этих губерний“. — Какие жалостливые! Даже и кулаков орловских и пензенских, самарских и тамбовских пожалели!

Прежде чем 1) дать критику построенного на этом гнилом компромиссе окладного плана на 1929/30 г., 2) доказать извращение классовой линии и 3) начертать положительную программу, имеющую общей целью выпрямление этой линии в сельском страховании — необходимо кратко описать ныне существующие страховые нормы ответственности или обеспечения и тарифы в сельском страховании.

а) Нормы страхового обеспечения. Эволюция среднего размера норм страхового обеспечения по сельскому окладному страхованию по СССР представляется в следующем виде:

Г о д ы:	Нормы страхования в рублях			
	Огневое (на 1 двор)	Посевов (на 1 га)	Рог. скота (на 1 гол.)	Лошадей (на 1 гол.)
1923/24	94,0	10,5	17,0	26,1
1926/27	183,0	16,0	20,1	32,4
1928/29	302,0	18,5	24,2	39,6

Незначительная высота норм обеспечения определялась, помимо соображений страхового свойства, основным и решающим обстоя-

тельством: невозможностью значительного обременения крестьянства страховыми платежами. Среднее обеспечение к средней стоимости составляет в 1928/29 г. по строениям — 43%, по посевам — 45,6%, по крупному рогатому скоту — 37,4%, по лошадям — 27,3%.

Система обеспечения строений от огня построена Госстрахом с 1928/29 г. на принципиально новых, по сравнению с земской и собственной практикой, основах, а именно, введены, так называемые, долевые нормы, т.е. долевое обеспечение, определяемое в процентах от оценочной стоимости строений. Минимальное обеспечение в текущем 1928/29 г. было определено в размере 40% этой оценочной стоимости. По малоценным постройкам, принадлежащим преимущественно бедняцкой части крестьянства, обеспечение достигало 70—80, а в отдельных случаях 90 и выше процентов. Так, например, по данным выборочного обследования за 1925/26 г., когда средняя норма обеспечения на двор составляла 157 руб. и была значительно ниже существующей в 1928/29 г. средней нормы (в 302 руб. на двор), мы имели значительное число дворов, обеспеченных выше 40% их стоимости.

Приводим таблицу, показывающую относительное обеспечение государственным сельским страхованием групп дворов различной стоимости:

Группы дворов	РСФСР		УССР		БССР	
	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения
1. Стоим. до 150 р. . .	11,1	80,0	7,4	71,9	7,0	60,6
2. От 151 р. до 300 р. . .	17,2	55,0	19,9	61,6	11,3	43,7
3. „ 301 „ „ 600 „ . .	29,2	36,7	34,8	42,2	24,3	33,0
4. „ 601 „ „ 1000 „ . .	22,6	26,5	22,6	30,9	29,2	25,2
5. „ 1001 „ „ 3000 „ . .	19,0	18,1	14,0	21,5	27,5	19,2
6. Свыше 3000 р. . .	0,9	10,0	1,2	10,9	0,3	8,7
Итого . . .	100	26,2	100	31,1	100	23,9

По окладному плану на 1929/30 г. намечается дальнейшее углубление системы долевых норм и классовая дифференциация этих норм. Критика этой дифференциации будет дана в главе 2.

Нормы страхового обеспечения строений предполагается установить в зависимости от общей страховой оценки дворов с общей страховой оценкой:

До 300 р.	в размере 80% от оценки каждого строен., но не менее 150 р. на весь двор
От 301 р. до 600 р.	„ 70% „ „ 240 р. „ „
„ 601 „ „ 1000 р.	„ 60% „ „ 420 р. „ „
„ 1001 р. и выше	„ 50% „ „ 600 р. „ „

В тех случаях, когда в дворах общей стоимостью до 150 руб. применение долевой нормы в 80% могло бы понизить действовавшие в 1928/29 г. построечные нормы, остаются в силе последние при условии, чтобы они не превышали страховой оценки.

По остальным 3 видам страхования намечается в проекте окладного плана на 1929/30 г., примерно, следующее повышение норм обеспечения: по рогатому скоту и лошадям около 5%, а по посевам около 18—20%.

Таким образом, в 1929/30 г. среднее обеспечение по СССР к средней стоимости составит:

По строениям — около 60% с колебаниями от 50 до 100% по группам дворов различной стоимости
По посевам — около 52%
„ рог. скоту — около 40%
„ лошадям — около 29%

Как видно из приведенных цифр, весьма недостаточными с точки зрения обеспеченности крестьянского хозяйства являются нормы обеспечения по лошадям и рогатому скоту.

б) Тарифы по окладному страхованию. Тарифные ставки или, так называемые, брутто-тарифы, исчисляемые в процентах со страхового обеспечения, строились из следующих элементов: — 1) предполагаемое страховое вознаграждение, 2) нагрузка на административно-хозяйственные расходы, 3) нагрузка на расходы по сбору оклада, 4) нагрузка на создание льготного фонда (для полного или частичного освобождения от платежей бедняцких хозяйств), — которые составляли общую сумму страховых платежей по каждому виду страхования.

Тарифные ставки по окладному сельскому страхованию на 1929/30 г. построены с учетом отсутствовавшего в прошлые годы, но весьма необходимого 5 элемента, а именно нагрузка для накопления запасного капитала.

Одновременно предполагается также увеличить и размеры льготного фонда, составляющего в текущем году 12% по окладу и 3% по недоимкам, итого 15%. Это увеличение намечено до 17%. Основной элемент при построении тарифных ставок, а именно, убыточность сельского страхования, со своей стороны, также дает повышение.

В результате всего этого намечается общее совершенно неизбежное повышение тарифных ставок по рогатому скоту, лошадям и посевам. Тарифы по огневому страхованию остаются неизменными.

В нижеследующей таблице сопоставляем намеченные на 1929/30 г. средние тарифы по каждому виду страхования и колебания их по тарифным поясам, с соответствующими данными за текущий 1928/29 г. (См. таб. на стр. 160.)

По новому виду страхования посевов, а именно по страхованию от вымочек и выморозков, охватившему в текущем году 42 административных единицы, тарифные ставки на 1929/30 г. намечаются следующие: средняя ставка — 3,4 и колебания по трем тарифным поясам от 2,50 до 4,00 со ста. В 1928/29 г. средняя ставка составляла 2,04 при колебаниях от 1,60 до 2,50.

	1928/29 г.	1929/30 г.
	В рублях со 100 руб. страх. суммы	
Огневое страхование		
Средний тариф	0,72	0,72
Колебания по 4 тарифным поясам . .	0,40—1,10	0,40—1,10
Страхование рогатого скота		
Средний тариф	3,69	4,18
Колебания по 3 тарифным поясам . .	3,00—4,10	3,5—4,5
По лошадям		
Средний тариф	5,51	6,50
Колебания по 3 тарифным поясам . .	5,00—6,00	5,8—6,8
По посевам		
Средний тариф	1,45	1,48
Колебания по 5 тарифным поясам . .	0,70—2,20	1,00—2,50

При сопоставлении тарифов по страхованию от градобития, с одной стороны, и по страхованию от вымочек и выморозков — с другой, ярко бросается в глаза то огромное повышение тарифных ставок, а, следовательно, и страховых платежей, которые возникают в результате расширения ответственности Госстраха по сел.-хоз. культурам. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть в связи с проектируемым страхованием от неурожая.

2. Критика окладного плана на 1929/30 г.

В целях дальнейшего укрепления окладного страхования и накопления запасных капиталов предполагается уже в 1929/30 г. сделать весьма значительные шаги вперед в смысле: 1) роста страхового обеспечения по всем видам страхования, 2) повышения тарифов, а следовательно, и 3) повышения общей суммы страховых платежей крестьянства.

В 1928/29 г. к поступлению (за вычетом льгот) причиталось 154.415 тыс. руб.

В 1929/30 г. намечается получить (также за вычетом льготного фонда) 204.717 тыс. руб.

Таким образом, дополнительная сумма платежей в 1929/30 г. составит свыше 50 млн. руб., что даст прирост по сравнению с 1928/29 г. около 32,5%.

Приведенные цифры говорят о весьма значительном росте страховых платежей на подавляющей части территории СССР.

В связи с значительным ростом страховых платежей возникал вопрос не только о правильном (с классовой точки зрения) распределении тяжести страховых платежей, но и об их посильности для низших групп платящих хозяйств.

Еще в ноябре 1928 г. перед Главным Правлением ставился вопрос о необходимости радикально изменить принципы построения тарифов по окладному сельскому страхованию с тем, чтобы более правильно, с классовой точки зрения, распределить тяжесть страховых платежей между отдельными группами крестьянства.

Выдвигалось предложение ввести дифференцированно-прогрессивный, в зависимости от мощности хозяйства, т.-е. классовый тариф по обязательному страхованию. Это предложение было отвергнуто.

Учитывая, однако, что тарифное районирование, построенное на основе страховых данных, находится в противоречии с экономической мощностью отдельных районов, Главное Правление приняло следующее постановление: (прот. № 276 от 8/II—1929 г.).

„Построить проект тарифного районирования на следующих основаниях:

1) Исходным показателем для отнесения той или иной местности в той или иной тарифный пояс являются страховые данные (основа остается неизменною! А. Б.);

2) критерием экономической мощности данной административной единицы является относительная высота налоговых платежей (процент изъятия дохода налоговыми платежами) с корректировкой на абсолютные размеры облагаемого дохода;

3) основанием для перевода данной административной единицы в высший или низший пояс, в зависимости от экономической мощности, является высота тарифной ставки с учетом абсолютных размеров и относительной тяжести страховых платежей административной единицы“.

Этим постановлением был введен в практику построения окладных планов новый принцип (вернее углублен старый) критерий экономической мощности данной административной единицы.

Так называемые страховые принципы (т.-е. отнесение той или иной территории к определенному тарифному поясу, в зависимости от убыточности) были признаны недостаточными. „Чистые страховки“ были частично сбиты со своих позиций.

Рассмотрение окладного плана показывает, что тарифное районирование в отдельных своих частях не выдерживает критики даже с точки зрения того сугубого компромисса, который выразился в цитированном выше постановлении. Даже при ближайшем ознакомлении с распределением отдельных губерний и округов по тарифным поясам (по различным видам страхования) нельзя

установить точных цифровых показателей, которыми руководствовались авторы плана для отнесения той или иной административной единицы к тому или иному тарифному поясу. Неизвестно, какое расхождение между убыточностью двух административных единиц считалось достаточным для того, чтобы при одинаковой мощности отнести их к различным поясам; точно так же неизвестно, какое расхождение между экономической мощностью двух административных единиц при одинаковой убыточности по данному виду страхования, считалось достаточным поводом для отнесения их в различные пояса.

Пестрота в тарифном районировании имеется весьма значительная. Особые недоумения вызывают такие случаи, когда административные единицы с меньшей, равной или незначительно большей убыточностью, но с меньшей экономической мощностью отнесены в высшие тарифные пояса по отдельным видам страхования. Для иллюстрации этого, совершенно непонятного положения, которое получилось в результате тарифного районирования по окладному плану на 1929/30 г., приводим следующие сопоставления:

Сопоставление горимости с размерами налога и дохода
(сопоставляются округа и губернии попарно)

Тарифные пояса на 1929/30 г.	Наименование округов	Горимость	Налог на едока	Доход на едока
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Свердловский	0,12	2,50	36,9
I	Донской	0,10	8,03	67,7
II	Донецкий	0,11	4,54	51,6
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Молдавская АССР	0,13	2,64	47,3
II	Рубцовский	0,28	4,86	49,1
III	Вятский	0,30	2,50	46,5
III	Ишимский	0,49	4,91	56,4
IV	Тульская	0,50	2,93	50,2
III	Курганский	0,52	5,97	61,9
IV	Самарская	0,50	3,18	45,3

Из этой таблицы видно, что во II поясе имеется ряд округов с меньшей, одинаковой или почти одинаковой убыточностью и с меньшей мощностью, выражаемой как в размерах дохода, так и в размерах налога на едока. Точно такое же положение создается при сопоставлении отдельных округов II и III поясов, а также III и IV поясов. Так, например, Свердловский округ с горимостью 0,12 отнесен ко II, т.-е. более высокому, более дорогому поясу, между тем как Днепропетровский округ с большей горимостью — 0,13, с налогом на едока тоже большим — 5 р. 58 к., доходом на едока тоже большим — 61 руб. 10 к. — находится в первом поясе.

Непонятным является оставление во II поясе Молдавской АССР, при одинаковой с Днепропетровским округом (находящимся в I поясе) горимости 0,13 и при меньшей мощности — налогом на едока 2 руб. 64 к. и доходом 47 руб. 30 к.; мощность Днепропетровского округа: 5 руб. 58 к. налога на едока и 61 руб. 10 к. дохода на едока.

Тарифное районирование по крупному рогатому скоту также в отдельных случаях страдает указанными выше дефектами:

За сколько лет имеются данные об убыточности	Наименование округов или губерний	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	Наименование округа	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока
I тарифный пояс					II тарифный пояс			
5	Ленинградская	2,13	3,26	45,0	Тулуновский	2,27	3,38	38,6
4	Д.В.О.	2,25	4,38	49,0	Актюбинский	2,32	3,80	35,7
II тарифный пояс					III тарифный пояс			
4	Таганрогский	2,61	6,82	71,8	Луганский	2,60	4,96	57,2
4	Челябинский	2,74	6,89	64,1	Херсонский	2,60	5,11	59,1
5	Сумский	2,94	3,25	49,2	Молдавский	2,83	2,64	47,3
4	Кубанский	3,05	10,26	74,5	Барабинский	3,06	3,93	43,2
4	Троицкий	3,23	5,71	52,4	Калмыцкая	3,28	—	26,7
5	Ишимский	3,47	4,91	56,4	Марийская	3,32	1,76	39,6

Из таблицы видно, что Таганрогский округ, сопоставляемый с Луганским, показывает отсутствие каких бы то ни было оснований к оставлению его во II поясе: при убыточности 2,61 (Луганский — 2,60), при среднем налоге на едока 6,82 (Луганский — 4,96) и при среднем доходе 71,8 (Луганский — 57,2) этот Таганрогский округ почему-то оставлен во II поясе, между тем как Луганский отнесен к III тарифному поясу.

Сопоставление Ишимского округа с Марийской областью дает то же самое несоответствие по всем линиям, а именно, Марийская область с меньшей убыточностью — 3,32 (Ишимский окр. — 3,47), со

значительно меньшим налогом на едока — 1,76 (Ишимский — 4,91), значительно меньшим доходом на едока — 39,6 (Ишимский — 56,4) отнесена к III поясу, между тем, как Ишимский округ оставлен во II поясе. При этом необходимо отметить, что данные об убыточности имеются по обеим этим территориям за один и тот же период, а именно за четыре года. Тарифное районирование по лошадям тоже не лишено ряда ошибок как со страховой, так и с экономической точки зрения.

Переходя к тарифному районированию страхования сел.-хоз. культур от града необходимо предварительно, до сопоставления между собой отдельных территориальных единиц, остановиться на следующем моменте: при тарифном районировании авторы окладного плана исходили не из данных об убыточности страхования посевов, а из соображений метеорологического характера и теоретической градоопасности той или иной территории.

Не входя в критику того, в какой мере теоретические предположения о градоопасности действительно оправдаются на деле и за какой промежуток времени это оправдание будет иметь место, мы считаем подход по существу совершенно неправильным. Истекшее пятилетие совершенно достаточно для того, чтобы, на основе данных фактической убыточности и, следовательно, в действительном соответствии страхового вознаграждения со страховыми платежами данного округа или губернии, установить по окладному плану на 1929/30 г. „справедливый“, даже со страховой точки зрения, тариф.

Мы никак не можем согласиться с тем, чтобы маломощный район, давший невысокую убыточность за пятилетний период, должен был бы платить в шестой год существования страхования сельскохозяйственных посевов высокую ставку только потому, что в более или менее отдаленном будущем он даст более высокие убытки.

Сопоставление убыточности страхового рубля по страхованию посевов с размерами налога и дохода на едока по некоторым административно-территориальным единицам

Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока	Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока
Тарифы II пояса:					Тарифы III пояса:				
Сталинский ..	5	0,20	75,5	8,64	Киренский ...	1	0,15	31,4	1,88
Шадринский ..	5	0,21	52,1	3,92	—	—	—	—	—
Мариупольск.	5	0,22	72,8	7,93	—	—	—	—	—
Б-шкирская ..	5	0,40	40,9	2,45	Барабинский .	5	0,31	13,2	3,93
Луганский ...	5	0,40	57,2	4,96	Черноморский.	5	0,33	12,1	3,36
Херсонский ..	5	0,45	59,1	5,11	Молдав. АССР.	—	0,47	17,3	2,64
Мелитопольск	5	0,47	63,4	6,10	Коми-Пермяц.	—	0,49	36,7	1,73

Уже упомянутая выше Молдавская АССР и по страхованию посевов отнесена в более высокий, III пояс при одинаковой убыточности с Мелитопольским округом, но при меньшем налоге и меньшем доходе на едока:

	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	
Мелитопольский округ	0,47	6,10	63,4	II пояс
Молдавская АССР	0,47	3,64	47,3	III „

Приведенные выше сопоставления, обнаруживающие случаи совершенно непонятного тарифного районирования, иллюстрируют, повидимому, общие органические дефекты окладного плана на 1929/30 г. в том виде, в каком он утвержден Наркомфином СССР.

Дававшаяся здесь критика тарифного районирования, с точки зрения страховых данных, не должна ни в коем случае быть понята, как признание нами какого бы то ни было смысла по существу за так называемыми страховыми данными и „страховыми принципами“. Само собой разумеется, что только не критическое подражание земской практике и механическое восприятие и перенесение в совершенно иную политическую и хозяйственную обстановку методов земского страхования является причиной того, что в течение истекших 5—6 лет окладного сельского страхования тарифное районирование проводилось на основе убыточных данных по губерниям.

С точки зрения подавляющей массы страхователей (страдает от стихийных бедствий ежегодно в среднем 1% хозяйств по огню, до 5—6% хозяйств по животным и до 11,5% — по посевам) высота тарифной ставки и определяемый ею страховой платеж ни в коей мере не может и не должен быть оправдан тем фактом, что в той губернии, где страхователи живут, больше сгорело дворов, больше пало голов рогатого скота и лошадей, больше гектаров посевов побито градом, чем в другой близлежащей или отдаленной губернии.

Только с точки зрения географической, с точки зрения административного деления, только с точки зрения губернских земских страховых касс можно дойти до того, чтобы, совершенно не учитывая или даже в полном противоречии с экономической мощностью и платежеспособностью основной массы страхователей класть по губернии данные об убыточности в основу при тарифном районировании и установлении той или иной тарифной ставки.

Установление поясных тарифных ставок (тарифный район охватывает несколько губерний) только смягчает этот „погубернский принцип“, но не отвергает его.

Таким образом, окладный план сельского страхования на 1929/30 г., страдая свойственными всем истекшим планам основными дефектами, не выдерживает критики в отдельных своих частях даже и с точки

зрения, как страховых данных, так и того компромисса (учет данных об экономической мощности), который был принят при его составлении.

Особо мы должны отметить то обстоятельство, что дифференциация долевых норм построения вызывает ряд сомнений с точки зрения тяжести страховых платежей для маломощных платящих крестьянских хозяйств.

Наибольшее и весьма значительное повышение размера начисленного оклада по огневому страхованию падает на группы дворов стоимостью от 301 до 600 руб.—плюс 41,3% и на группу дворов стоимостью от 601 до 1.000 руб. + 52,1%.

Если принять условно: 1) что соотношение отдельных групп дворов по стоимости строений сохранится в 1929/30 г. в том же виде, в каком оно было выведено по выборочному обследованию за 1926/27 г.; 2) что дворы с малой стоимостью строений принадлежат маломощным хозяйствам и 3) что количество маломощных хозяйств, могущих быть освобожденными от платежей в порядке использования льготного фонда на 1929/30 г. выразится не больше 30–35%, то окажется, что наиболее сильное повышение платежей по огню падает почти на 30% хозяйств со стоимостью от 601 до 1.000 руб.

Таким образом, больше 55% всех хозяйств (при верности наших условных допущений), т.е. основная масса середняцких хозяйств будет переобложена платежами по страхованию строений от огня, между тем как хозяйства с дворами высших групп по стоимости дают повышение платежей значительно меньшее. Группа дворов со стоимостью от 1.000 руб. до 3.000 руб. и следующая за ней группа стоимостью выше 3.000 руб. дает повышение платежей — плюс 26,7% и + 26,8%.

Совершенно ясно, что такое положение, при котором на основную массу середняцких хозяйств возлагается весьма значительное бремя страховых платежей по огневому страхованию, при меньшем, относительно, обременении платежами по этому страхованию высших групп крестьянских хозяйств, неприемлемо.

В среднем за год из 100 дворов страдает от пожара 1 двор. Ради повышенного обеспечения по огневому страхованию одного середняцкого двора нельзя переобременять платежами по этому виду страхования остальные 99 середняцких дворов. Высота норм обеспечения строений не может в данном случае служить оправданием переобременения платежами середняцких хозяйств.

3. Извращение классовой линии

Основным дефектом тарифной политики Госстраха является несоответствие тарифных ставок экономической мощности страхователей.

Ставки дифференцируются по поясам, в зависимости от степени убыточности данного вида страхования. Но в пределах одного и того же тарифного пояса, за исключением хозяйств — около 25%, — освобождаемых вовсе или частично от платежей по окладному страхованию, все остальные, т.е. примерно, 75% хозяйств платят одинаковое количество копеек с каждой сотни страхового обеспечения.

В результате отсутствия классовой дифференциации тарифа тяжесть крестьянских страховых платежей распределяется неравномерно и в обратной пропорции к доходности отдельных хозяйств — следствием чего является переобложение маломощных и средних и недообложение зажиточных и кулацких хозяйств.

Данные специально произведенного по РСФСР выборочного обследования абсолютных и относительных размеров платежей 67.000 хозяйств по сел.-хоз. налогу и сельскому страхованию подтверждают это положение. Цифры, характеризующие процент изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом и страхплатежами — таковы: здесь даны группы с пропуском через одну — во избежание перегрузки статьи (цифровыми данными).

То повышение платежей зажиточных хозяйств по огневому страхованию, которое получилось в связи с введением в 1928/29 г. долевых норм обеспечения строений в размере не ниже 40%, изменило несколько к лучшему это уродливое положение, однако извращение классовой линии было и остается!

Но помимо того, что извращение это неприемлемо само по себе, оно мешает как мы указывали в самом начале укреплению сельского окладного страхования.

Платежные ресурсы маломощных и низших середняцких хозяйств не позволяют дальнейшего значительного их обременения страховыми платежами. В виду этого — сохранение единого тарифа, (не дифференцированного по мощности страхователей) становится, с одной стороны, препятствием на пути повышения норм страхового обеспечения и введения универсального страхования посевов от неурожая (от всех бедствий, а не только от градобития, вымочек и выморозков), а с другой, замедляет необходимый темп накопления запасных капиталов, которое требует общего повышения тарифов.

Таким образом, единый тариф приводит к следующим трем отрицательным моментам:

1. Извращается классовая линия партии в деревне.
2. Создается угроза невыполнения директивы о безубыточности сельского страхования.
3. Замедляется повышение норм обеспечения, безусловно необходимое в целях создания большей устойчивости хозяйств основной массы крестьянства.

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о роли сельского страхования в коллективизации сельского хозяйства — как особый вопрос.

В связи со всем вышеизложенным и выдвигается предложение — ввести классовый тариф.

Различные проекты и постановления в этом духе выносились и принимались два с лишним года тому назад, в связи с проведенным РКИ обследованием платежей крестьянства, в том числе и страховых.

Коллегия НКРКИ СССР в своем заседании от 24 августа 1927 г. постановила: „признать необходимым при построении тарифов на 1927/28 г. исходить из необходимости дифференциации тяжести платежей по страхованию по классовому принципу, стремясь к некоторому переложению их на зажиточные слои крестьянства“.

Это постановление, завершившее собой целый ряд проектов областных РКИ, тов. Милютин (НКФ РСФСР) и других, не было проведено в жизнь.

Обстановка за эти годы изменилась. Мы проделали путь от XIV к XV с'езду партии и XVI всесоюзной партконференции. Последние решения партии дают основание вновь поставить „старый“ вопрос о выпрямлении классовой линии Госстраха на селе. Это во-первых.

С особенной остротой выдвигается вопрос о дифференциации тарифа в связи с тем, что царившее два года тому назад благодушное отношение к делу накопления запасных капиталов сменилось законной тревогой и решением, значительно запоздавшим, форсировать накопление средств на „черный день“. Это — во-вторых.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(итоги выборочного обследования 67.000 хозяйств РСФСР)

Группы по размерам посева на хозяйство	Группы по обеспеченности хозяйств скотом				
	I. без посева	III. с посевом от 1 до 2 дес.	V. от 4 до 6 дес.	VII. от 8 до 10 дес.	IX. свыше 15 дес.
Без скота					
$\frac{0}{100}$ изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	5,12	4,11	6,13	8,46	16,23
То же страховыми платежами	1,17	1,42	1,48	1,33	0,79
С 2 головами					
$\frac{0}{100}$ изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	4,82	5,52	6,17	8,58	15,53
То же страховыми платежами	2,18	2,17	1,90	1,55	1,26
С 4 головами					
$\frac{0}{100}$ изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	6,54	5,76	7,60	9,90	17,00
То же страховыми платежами	2,97	3,02	2,45	1,91	1,32

Приведенные цифры показывают, что классовая прогрессия изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом извращается обратной прогрессией изъятия этого дохода страховыми платежами.

Более ярко это извращение классовой линии обнаружено при группировке обследованных хозяйств по размерам облагаемого дохода на хозяйство. Такая группировка проделана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии и в результате получен следующий ряд относительных цифр, которые мы также даем с пропуском через одну группу.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(Группы по размерам дохода на хозяйство)

Группы по размерам дохода на хозяйство	Выше необлаг. минимума до 100 р.	Свыше 150 до 200 р.	Свыше 250 до 300 р.	Свыше 400 до 500 р.	Свыше 600 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме налога	100,21	88,01	67,48	37,83	7,24
$\frac{0}{100}$ изъятия от облагаемого дохода					
Сел.-хоз. налога	4,42	3,09	3,70	5,36	13,77
Страхов. платежей	4,42	2,73	2,50	2,06	0,99
Сел.-хоз. нал. + страхов. платеж.	8,84	5,82	6,20	7,42	14,76

Чрезвычайно резко бросается в глаза обратная прогрессия изъятия доходности при сопоставлении платежей хозяйств, сгруппированных по доходности на едока. Нижеследующая таблица дана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии:

Группы по размеру посева на хозяйство	Группы по доходу на едока			
	До 20 р.	Свыше 40 до 60 р.	Свыше 80 до 100 р.	Свыше 150 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме сел.-хоз. налога	120,00	59,42	17,63	1,95
$\frac{0}{100}$ изъятия от облагаемого дохода				
Сел.-хоз. налога	1,98	4,28	11,13	20,89
Страховых платежей	2,36	2,54	1,96	0,40
Сел.-хоз. налога + страхового платежа	4,24	6,82	13,07	21,29

Если изъятие доходности по сел.-хоз. налогу возрастает относительно 10 с лишним раз от нижней к высшей группе, то после „корректива“ со стороны страховых платежей этот рост изъятия доходности ломается, снижаясь до 5-кратного отношения. Прогрессия, классовая прогрессия сел.-хоз. налога рвется пополам, т.е. сокращается вдвое по „другой линии“. Специальное обследование, проведенное аппаратом Загосстраха в 1929 г., пришло к тому же выводу, что: „в то время как процент изъятия по сельхозналогу

тем выше, чем выше доход хозяйства — процент изъятия по окладным страховым платежам наоборот тем выше, чем меньше доход хозяйства“.

Нам представляется бесспорным, что при более экономически-совершенном методе определения размеров доходности обследуемых крестьянских хозяйств, извращение нынешней тарифной системы Госстраха классовой линии партии в деревне представилось бы в еще более уродливой форме.

Госстрах сделал вполне правильный поворот на 180 градусов в вопросе о добровольности или обязательности страхования на селе: ныне взят твердый курс на расширение обязательности сельского страхования, т.е. на повышение норм обеспечения, а, следовательно, на повышение обязательных страховых платежей крестьянства. Это — в третьих.

Таковы три новых основания для того, чтобы проекты, отклоненные в 1926 г., были приняты в 1929 г. и осуществлены в 1929/30 г., таковы три основания для пересмотра тарифной политики Госстраха и для дифференциации единого тарифа.

К сведению „любителей земской старины“ приводим следующий, почти скандальный для них факт: ярославское земство еще в „доброе старое время“ установило дифференцированный тариф по добровольному страхованию строений: чем ценность постройки была выше, тем выше была ставка — в копейках со ста рублей. Вот таблица ставок ярославского земства:

За постройки (материал стен и крыш)	Группы по величине страховой суммы				
	До 501 р.	От 501 р. до 1000 р.	От 1000 р. до 3000 р.	Свыше 3000 р.	
	копеек со 100 рублей риска				
Смешан., крытые: прочно	60	70	90	120	
„ „ „деревом	85	110	130	160	
„ „ „соломой	125	150	200	225	
Деревян., крытые: прочно	75	100	125	150	
„ „ „деревом	100	125	150	175	
„ „ „соломой	125	150	200	225	

Такая же, примерно, прогрессивная дифференциация ставок, в зависимости от роста страховой суммы, наблюдается в практике ряда заграничных страховых организаций при добровольном страховании животных. Конечно, ни ярославское земство, ни заграничные страховые общества не преследовали и не преследуют целей „усиленного социалистического наступления на кулака“.

Однако, ... тем более странно, что последователи „страховых принципов“ не использовали их для углубления классовости в сельском страховании.

Совсем недавно группа работников НКРКИ УССР, в результате специального обследования Укргосстраха пришла к следующему выводу: „на основании сказанного, следует прийти к выводу о необходимости коренного изменения принципиальных основ тарифной политики госстраха путем внесения в методы построения тарифов существенных коррективов, которые бы позволили во-первых, сделать безубыточным сельское страхование, во-вторых, увеличили бы нормы страхового обеспечения и, в-третьих, в полной мере отразили бы классовый принцип и в наибольшей степени обеспечили бы сельское хозяйство от стихийных бедствий“.

В этом же духе и было принято постановление СНК УССР. Однако, оно опротестовано НКФ УССР и подлежит вторичному рассмотрению.

Будущий 1929/30 г. и страховая пятилетка предусматривают значительное повышение страховых платежей, в связи с чем возникают два существенных вопроса:

1) могут ли маломощные и середняцкие хозяйства выдержать предстоящее повышение платежей?

2) сохраняя единый (т.е. недифференцированный по мощности отдельных социальных групп крестьянства) тариф, не создадим ли мы для кулацких антисоветских выступлений широкой сочувствующей аудитории?

На первый вопрос необходимо ответить отрицательно — предстоящее повышение платежей может оказаться непосильным для значительных слоев маломощных крестьянских хозяйств. А на второй вопрос необходимо ответить положительно, ибо при сохранении единого тарифа кулак сумеет и безусловно использует факт общего недовольства повышением страховых платежей всех платящих хозяйств.

Если данная выше постановка вопросов и ответы на них правильны, то с совершенной неизбежностью вытекает необходимость, путем дифференциации тарифных ставок по отдельным видам обязательного сельского страхования, в зависимости от мощности отдельных социальных групп крестьянства, — обеспечить реальные поступления намеченных окладным планом сумм и изолировать кулака по вопросам нашей политики в сельском страховании.

Особых технических затруднений классовая дифференциация тарифов по сельскому страхованию не встретит и эта дифференциация может вполне быть осуществлена даже с будущего 1929/30 г. Возникающие, в связи с вопросом о классовом тарифе, „радикальные предложения“ (выдвигаемые с целью „напугать“ сторонников классового тарифа), а именно — уничтожить страхование, как таковое, и установить целевую надбавку к сел.-хоз. налогу — грешат непониманием специ-

фически благожелательного восприятия крестьянством страховых платежей, в отличие от платежей по сел.-хоз. налогу.

По какому бы способу мы ни исчисляли сумму „страховки“, которую данное хозяйство должно внести,—самый факт того, что эта сумма, уплаченная крестьянством, создает встречное обязательство Госстраха по отношению к данному хозяйству, в смысле обеспечения его от возможных убытков—сам этот факт проводит резкую черту между налогом и страхованием.

Тактически, с точки зрения настроений крестьянства, нет совершенно никакого смысла и было бы совершенно вредным удариться в другую крайность.

Что касается попытки разрешить вопрос об углублении классовости в сельском страховании путем увеличения размеров льготного фонда, то необходимо со всей силой подчеркнуть одно, повидимому, не вполне учитываемое обстоятельство, а именно: нагрузку страховых платежей для образования льготного фонда несут в одинаковой степени и кулаки, и крепкие середняки, и маломощные, т.е. все платящие хозяйства.

Льгота бедноте, при отсутствии классовой дифференциации тарифа, кладет резкую и социально-несправедливую черту между освобожденными и близкими к ним неосвобожденными хозяйствами.

Чем выше льготный фонд, тем тяжелее для маломощных платящих хозяйств нагрузка для его образования.

Таким образом, существующая в сельском страховании классовость (в форме предоставления льгот) оказывается не только недостаточной, но и внутренне противоречивой. Дальнейшее радикальное углубление классовости возможно не в порядке увеличения льготного фонда, а путем классовой дифференциации тарифов по отдельным видам сельского страхования.

В заключение приведем ценнейший материал, разработанный Николаевской окружной конторой Госстраха (УССР).

Этот материал представляет дифференцированный тариф во всей его конкретности, применительно к крестьянству Николаевского округа.

В основу взяты данные двадцатипроцентного выборочного обследования НКФина за 1928/29 г. с наложением на них страховых тарифов, существующих и проектируемых, (существующих—единых для всех хозяйств, и проектируемых—дифференцированных по мощности отдельных групп крестьянских хозяйств).

Все хозяйства округа разбиты на семь групп: 1) бедняки, 2) маломощные А, 3) маломощные Б, 4) середняки, 5) зажиточные А, 6) зажиточные Б и 7) кулаки.

Применительно к этим группам дан расчет абсолютных и относительных размеров страховых платежей по нормам и тарифам, намеченным проектом окладного плана Госстраха УССР—с одной

стороны, и, с другой—по дифференцированным тарифам, запроектированным работниками конторы.

По предположениям этих работников: а) бедняки и маломощные хозяйства А—освобождены полностью от страховых платежей; б) маломощные Б уплачивают 50% нормальных (т.е. исчисленных по единому тарифу) страховых платежей; в) середняки платят по существующим ставкам; г) недоплаты по А и Б перекладываются на зажиточные хозяйства А и Б и на кулаков.

Результаты этой классовой дифференциации тарифов по сельскому страхованию (мы не разбираем здесь детально вопроса)—дающей тот же финансовый результат, который требуется окладным планом, представлены в следующих таблицах:

Группы хозяйств	Количество хозяйств	Удельный вес в %/0	По нормальн. тарифам	
			Начислено в рублях	В среднем на 1 хозяйств. в рублях
Бедняки	18.734	22,09	62.765,76	3,35
Маломощные А	7.240	8,54	551.887,12	7,16
Маломощные Б	13.740	16,20	122.664,88	8,92
Средняки	27.033	31,90	384.993,96	14,23
Зажиточные А	12.180	14,36	258.873,06	21,25
Зажиточные Б	1.890	2,23	53.463,29	28,28
Кулаки	3.970	4,68	129.864,98	32,71
Итого	84.807	100	1.064.513,05	12,55

По всем видам обязательного окладного страхования с дифференциацией платежей по группам:

Группы хозяйств	По дифференцированным ставкам		% снижения или нагрузки страховых платежей в среднем на хозяйств.	Доходность одного хозяйства по данным с.х. налога на 1928/29 г. в руб.	% отклонения от доходности середняцких хозяйств	% изъятия доходности	
	Начислено	В среднем на 1 хозяйство в рублях				До дифференциации тарифов	После их дифференциации
Бедняки	—	—	— 100	55	— 430	6,0	—
Маломощные А	—	—	— 100	167	— 75	4,3	—
Маломощные Б	61.322,43	4,46	— 50	202	— 44	4,4	2,2
Средняки	384.993,96	14,23	+ 100	292	— 100	4,8	4,8
Зажиточные А	336.270,27	27,60	+ 129	421	+ 54	5,0	6,55
Зажиточные Б	74.424,05	39,37	+ 139	550	+ 88	5,1	7,15
Кулаки	207.365,29	52,23	+ 159	700	+ 140	4,6	7,46
Итого	1.064.386,00	12,55	—	257	—	4,9	4,9

К сожалению здесь нет сопоставления с прогрессией изъятия доходности отдельных групп хозяйств платежами по сел.-хоз. налогу, однако, и то перераспределение страховых платежей, которое дано в этих 2 таблицах дает значительное, возможно и достаточное (мы не беремся здесь обсуждать этот последний вопрос) выпрямление классовой линии в сельском страховании.

Только по линии такого перераспределения тяжести страховых платежей можно без политического ущерба решать вопросы, связанные с совершенно неизбежным повышением тарифов.

К этим таблицам, которые дают конкретную наметку перераспределения тяжести страховых платежей мы добавляем: и страховые, и политические проблемы властно требуют классовой дифференциации в тарифной политике государственного страхования на селе.